

УДК 343.8

Тарасова Екатерина Валерьевна (Catarina.sova@yandex.ru)

Магистрантка Института юстиции

Уральского государственного юридического университета

Ekaterina V. Tarasova

Ural State Law University

Institute of Justice, Master's degree student

Научный руководитель:

Козаченко Иван Яковлевич

Профессор кафедры уголовного права

Уральского государственного юридического университета

Доктор юридических наук

Academic supervisor:

Ivan Y. Kozachenko

Professor of Criminal Law department

Ural State Law University

Doctor of Juridical Sciences

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ АБОЛИЦИОНИЗМА:

ОБЗОР НАПРАВЛЕНИЙ И ОСНОВНЫХ ИДЕЙ

THE CRIMINOLOGICAL CONCEPTION OF ABOLITIONISM:

A REVIEW OF TRENDS AND KEY IDEAS

Аннотация: В данной статье рассматривается одно из современных криминологических направлений – концепция аболиционизма. Автор затрагивает сущность, основные тенденции, историю и положения данного течения научной мысли, приводятся аргументы в пользу трансформации уголовно-правовой системы с применением идей аболиционистов и восстановительного правосудия.

Ключевые слова: аболиционизм, лишение свободы, пенитенциарная система, восстановительная юстиция.

Abstract: This article discusses one of the modern criminological trends – the concept of abolitionism. The author touches upon the essence, key trends, history and provisions of the current scientific thought, provides arguments in favor of the transformation of the criminal law system with the use of the ideas of abolitionists and restorative justice.

Key words: abolitionism, imprisonment, penitentiary system, restorative justice.

С каждым годом все более очевидным становится испытываемый не только в России, но и во всем мире кризис политики контроля над преступностью. С практической стороны данная тенденция находит своё отражение в статистике постпенитенциарного рецидива. Так, на основе цифр, приводимых ФСИН РФ в характеристике лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых, мы можем сделать вывод, что на конец 2018 года соотношение числа лиц, отбывающих наказание в ИК для взрослых, к числу лиц, осужденных к лишению свободы более одного раза, составило 54,2 % [1].

Данная информация хотя и не может дать нам четкой картины уровня эффективности работы пенитенциарной системы, но ставит перед нами вопрос: «Не дискредитирует ли такие цели уголовного наказания, как исправление осужденного и предупреждение совершения им новых преступлений факт того, что более половины преступников неоднократно возвращаются в места лишения свободы?»

На теоретическом уровне выявление научной фрагментарности, кризис (методологический и идеологический) традиционных криминологических школ, которые, используя доведенные до совершенства эмпирические методы исследований, так и не смогли объяснить феномен преступности и предложить действенные способы реагирования и работы с преступниками,

не могло не вызвать ответную реакцию в виде появления иных, критических и во многом радикальных идей в науке о преступности.

Вследствие данных факторов в конце 60-х – начале 70-х годов XX века зародилась и получила свое развитие критическая криминология как современное направления научной мысли, которое в своей сущности имело рефлексивный характер по отношению к некоторому застою в развитии классических и позитивистских теорий.

Стоит отметить, что термин «критическая криминология» является собирательным для обозначения множества различных концепций (например, радикальной, левого реализма, феминистского анализа, миротворческой и др.), в том числе, как относительно самостоятельное течение выделяется и аболиционизм.

Понятие аболиционизм («abolition») Оксфордский словарь английского языка определяет как действие по отмене системы, практики, учреждения [2]. Первоначальное слово находит своё происхождение от латинского «abolitio(n-))» или «abolere», что означает «уничтожить» [2].

Обозначим, что условно аболиционистские взгляды в криминологии можно разделить на два направления. Сторонники первого высказывают идею об отказе от уголовного закона, изменение подхода к определению его сущности, поскольку, преступление, в понимании основных направлений критической криминологии, – это порождение власти, закрепление её воли в нормативно-правовых актах. Как следствие, деяния, зафиксированные в законе, не всегда по своей сути являются преступными и исходят из общественного консенсуса на этот счет.

Профессор Л. Хулсман считает, что нам необходим критический анализ понятия «преступление», поиск консенсуса о сущности данного явления [3, с. 25]. В ином случае, если деятельность по «проблематизации» данной категории отсутствует, то мы оказываемся запертыми в институциональных рамках уголовной юстиции. Поясним, что в любом законодательстве всегда

имеется набор деяний, которые признаются преступными, но, тем не менее, противоправность и общественная опасность данных запрещённых законом действий не всегда корреспондирует общественному мнению на этот счёт.

В Российском уголовно-правовом законодательстве найти подобный пример не составит труда. Наиболее яркой иллюстрацией нам послужит резонансный процесс криминализации в 2013 году деяния, ответственность за которое ранее предусматривалась статьей 5.26 КоАП РФ. Речь идет о нарушении права на свободу совести и вероисповедания с целью оскорбление религиозных чувств верующих. Данный факт, а также первые попытки привлечения к уголовной ответственности по обновленной статье 148 УК РФ, подняли немалую волну обсуждений не только в среде ученых-теоретиков, но и у юристов-практиков, а главное привлекли интерес и вызвали недовольство в обществе.

Некоторые исследователи, в конечном итоге, выдвигают тезис о том, что преступление как таковое не существует в природе вовсе; это лишь социальный конструкт – то, о чем договорились, «выдумка или изобретение (invention) людей» [4, с. 2].

Именно новые механизмы регулирования взаимодействия и разрешения конфликтов между членами общества, консенсус по вопросам преступного и непроступного, по мнению ученых, помогут уйти от беспринципного и пагубного влияния властной уголовной юстиции, а, следовательно, это должно способствовать эффективной превенции и контролю над недопустимыми в обществе деяниями.

Второе направление – пенитенциарный аболиционизм – сосредотачивает внимание на отказе от наказания в виде лишения свободы, системы исправительных учреждений. Здесь стоит отметить, что умеренные аболиционисты не выступают против любых форм социального контроля, они считают, что основной проблемой является репрессивный, жесткий контроль над преступностью со стороны государства.

Так, Нильс Кристи в одном из своих трудов утвердил идею, которая, по нашему мнению, является основным девизом данного направления, а именно то, что «необходимо искать не альтернативные наказания, а альтернативу наказанию» [5, с. 22]. По его мнению, сутью любого уголовно-исправительного воздействия, в том числе и лишения свободы, является причинение «боли» (страданий, лишений, ограничений). Кристи отмечает, что, обращая «боль» в неотвратимое последствие преступления, уголовно-правовая система сосредоточивает внимание не на социальной структуре общества, а на самом индивиду, тем самым скрывая дорогу для поиска иных, альтернативных, более гуманных форм реагирования на преступления.

В сущности, данное утверждение подтверждает и десоциализирующий, стигматизирующий характер тюремного заключения. Места лишения свободы зачастую представляют собой «институты» повышения преступной квалификации, способствуют наращиванию у осужденных связей в криминальном мире.

Учитывая, что вопросы социальной интеграции лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, с каждым годом становятся все актуальней, а разработка и претворение в жизнь подобных программ требует от государства немалых денежных затрат, несколько абсурдным представляется исполнение наказания в виде лишения свободы, на которое также уходят определенные денежные средства, чтобы в дальнейшем производить траты на исправление последствий действия уголовной юстиции.

Не было бы разумней, с этой точки зрения, пересмотреть подходы к осуществлению целей общей и частной превенции, положительного воздействия на лиц, совершивших преступление? С данных позиций идеи аболиционистов вызывают реальный интерес и могут задать необходимый вектор в реформировании системы наказания, разрешить кризис политики контроля над преступностью.

Отметим базовые основания, на которых аболиционисты основывают необходимость ухода от традиционной пенитенциарной политики.

Во-первых, это уже упоминаемая слабая эффективность изоляции преступников от общества как мера, направленная на достижение целей общей и частной превенции, в результате чего политика по усилению уголовной репрессии перестает вызывать доверие как у ученых-исследователей, так и у общества.

Во-вторых, тревожит исследователей и тенденция к разрастанию, индустриализации пенитенциарной сферы. Нередко можно встретить сравнения тюремного комплекса и колониальной системы XVI-XX веков.

В своей работе «Борьба с преступностью как индустрия. Вперед к ГУЛАГу западного образца» Нильс Кристи приводит свои впечатления от изучения функционирования системы исправительных учреждений в США [6, с. 106–134]. Для автора оказывается поразительным, что содержание данного комплекса не всегда может являться «тяжким грузом» для экономики страны (как, например, это считается в России), более того, из тюремной системы можно извлекать прибыль. Происходит это посредством широкого строительства новых частных и государственных исправительных учреждений, в котором задействованы целые корпорации и ассоциации, специализирующиеся в данной области (например, American Correctional Association), поставки оборудования, а главное, активного использования работы заключенных для производства товаров.

Возможность широкой эксплуатации весьма бюджетного по затратам труда осужденных, по мнению исследователей, порождает и поддерживает интерес государства в сохранении и развитии «тюремной индустрии», собственно, именно в данном аспекте и видится её схожесть с колониализмом.

Здесь необходимо сделать оговорку и уточнить, что вреден не сам принудительный труд, к которому привлекают лиц, лишенных свободы, а именно, зачастую, его «кабальный» характер. Для конкретизации данного положения, рассмотрим аспекты, касающиеся расходов на систему исполнения наказаний, содержание осужденных, а также доходов,

извлекаемых государством посредством ее использования и доходах осужденных, привлекаемых к труду в местах лишения свободы.

По данным, представленным в отчете Лозанского университета, Российская Федерация затрачивает на содержание одного осужденного примерно 2,5 евро в день (примерно 180 рублей), что является самым низким показателем среди стран Совета Европы, при этом общий объём бюджетных расходов на всю систему исполнения наказаний составил в 2017 году 3 946 427 180 евро, что само по себе представляет колоссальную сумму и вызывает вопросы о соизмеримости данных значений [7]. Здесь же отметим, что в Норвегии, хорошо известной своим высоким уровнем условий содержания в пенитенциарных учреждениях, расходы на систему в 11 раз меньше, а траты на обеспечение одного дня жизни заключенного примерно в 113 раз больше, чем в России [7]!

Интересно, что за 2017 год доход от производства товаров, выполненных работ и оказанных услуг, связанный с привлечением осужденных к труду составил 32,6 миллиарда рублей (и это учитывая, что в России, в силу различных причин, в работах задействованы всего приблизительно 23% осужденных), то есть система действительно приносит неплохой доход, но «отбивает» только 10% затрачиваемых на нее средств [8]. Путем нехитрых подсчётов мы можем вывести, что система не окупалась бы и при условии занятости 90-100% лиц, лишенных свободы.

Говоря о затратах на вознаграждение за труд, стоит указать, что по данным того же ФСИН РФ среднедневная заработная плата осужденных (без начислений) в 2017 году составила 229,4 рублей (т. е. порядка 7 000 рублей в месяц), оплата труда редкого осужденного достигает величины МРОТ. Из приведенных фактов следует и понимание часто возникающих трудностей, связанных как с выплатой возмещения потерпевшим, так и с приобретением товаров первой необходимости для собственных нужд заключённого [8].

Очевидно, что в России использование труда осуждённых если и нельзя с полной уверенностью назвать «рабским», то, во всяком случае,

по уровню организации и работы системы исполнения наказаний, мы находимся где-то недалеко от границы перехода к данному состоянию, поскольку, как бы ни было парадоксально, очевидно, что деньги тратятся на исправительные учреждения, но не на пребывающих в них лиц. Сама же система не обладает свойством самоокупаемости и в целом убыточна, что так же характеризует её, по нашему мнению, как несколько устаревающий механизм.

Обращаясь к истории, отметим тот факт, что первые аболиционистские движения возникли в США и равным образом были связаны с идеей отмены рабства [9, с. 302]. В дальнейшем, сторонники классической криминологической школы, в частности Чезаре Беккария, первыми начали развивать идею отмены такого вида наказания как смертная казнь, что во второй половине XIX века породило соответствующее движение (*abolition of capital punishment*).

В отличие от кампании за отмену рабства, деятельность мыслителей, ученых и просто неравнодушных людей за упразднение «высшей меры» до сих пор является весьма актуальной, споры по центральному вопросу не утихают по сей день, поскольку само наказание в виде смертной казни продолжает свое существование во многих современных и развитых государствах (например, США, Беларусь, Китай).

Проблема теоретических представлений противников смертной казни в то время, да и сейчас, заключается в том утверждении, что законодательный запрет «высшей меры» вызовет прирост контингента в пенитенциарных учреждениях, по уровню которого США и без того занимает лидирующие позиции [10].

Следовательно, мы все также оказываемся в умозрительном тупике, поскольку хотя и сохраняем жизнь осужденным преступникам, но не решаем проблему с их исправлением.

Уже здесь перед нами встают два фундаментальных философских вопроса: «Кто виноват?» и «Что делать?». Если от поиска ответа на первый

мы в силу целей данной работы будем вынуждены отказаться, то касательно второго, рассмотрим предложения, которые высказывают сторонники пенитенциарного аболиционизма.

Первым делом стоит забыть о попытках реформирования тюрем и пенитенциарной системы в целом. Французский философ М. Фуко утверждал, что «Тюремная «реформа» – ровесница тюрьмы: она предстает как своего рода программа тюрьмы. С самого начала тюрьма окружена рядом сопутствующих механизмов, которые вроде бы призваны ее усовершенствовать, но в действительности составляют часть ее функционирования, – настолько тесно они связаны с существованием тюрьмы на протяжении всей ее долгой истории» [11, с. 342]. Здесь, по нашему мнению, ёмко и точно артикулируется утопизм всевозможных модификаций пенитенциарии, возможность данной системы когда-либо успешно реализовывать цели наказания.

В свою очередь это не означает, что на сегодняшний день не требуется улучшать условия содержания в уже существующих местах изоляции. Умеренными аболиционистами выдвигаются предложения о введении и активном использовании практики краткосрочного лишения свободы на срок, не превышающий четырех лет для взрослых мужчин и более двух лет для женщин и несовершеннолетних, с целью избежать эффекта «исключённости», необратимых изменений психики человека.

Профессор Яков Ильич Гишинский в одном из своих учебных пособий приводит статистику по срокам наказания в виде лишения свободы в приговорах, вынесенных в 1994 году в Японии. Так, «из общего числа приговоренных к лишению свободы на срок до 1 года – 26,5%, всего до 3 лет – 95,4%, а свыше 5 лет – 1,3%» [12, с. 213].

Пусть и не совсем корректно с позиции темпорального критерия, приведем для сравнения статистику по России, где на конец 2018 года в исправительных колониях для взрослых, из общего количества

содержащихся лиц, на срок до года и год были приговорены – 4%, от 3 до 5 лет – 22,2%, от 5 до 15 лет – 47,7% [1].

Вероятно, находятся основания полагать, что активное применение краткосрочного заключения играет не последнюю роль в успехе поддержания низкого уровня преступности в Стране восходящего солнца.

Известно, что аболиционисты подвергают сомнению моральное право государства преднамеренно и систематически причинять «боль» людям, исключая их из рядов общества. Основной тезис сторонников данной концепции, касающийся постепенного отказа от пенитенциарии, вызывает волну критики учёных, практиков и иных интересующихся вопросом людей.

Происходит это вследствие сложившейся матрицы сознания, где концепт «преступление – наказание» упрочивался веками и иной *modus operandi* кажется невозможным. Приведем точку зрения на данную проблему известной правозащитницы, профессора Калифорнийского университета Анжелы Дэвис, высказанную ей в проаболиционистской работе «Устарели ли тюрьмы?». Автор отмечает: «Если тюрьмы и иные исправительные учреждения будут упразднены, то что их заменит? Это вызывает недоумение, вопрос, который часто прерывает дальнейшее рассмотрение перспектив аболиционизма. Почему нам так трудно представить себе альтернативы нашей нынешней системе тюремного заключения? Существует ряд причин, по которым мы склонны отказываться от идеи о том, что в конечном итоге можно создать совершенно иную и, возможно, более эгалитарную систему правосудия. Прежде всего, мы рассматриваем нынешнюю систему, с ее преувеличенной зависимостью от тюремного заключения, как безусловный стандарт, таким образом, испытываем большие трудности при рассмотрении любого другого способа обращения с более чем двумя миллионами человек, которые в настоящее время содержатся в тюрьмах страны (США)» [13, с. 105–106].

Некоторые ученые придерживаются более радикальных взглядов на вопрос претворения аболиционистской концепции в реальность.

Герман Бьянки считал, что преступление должно определяться с точки зрения деликта и вместо уголовного права необходимо создать репаративное право [14, с. 117]. По его словам, вместо привычного «правонарушителя» или «преступника» мы будем иметь «должника», обязанное лицо, которое должно понести гражданско-правовую ответственность за свои действия. Мы не являемся сторонниками настолько коренных преобразований, прекрасно осознавая всю сложность и неготовность общественного сознания подобным переменам. Однако в современном мире уже появляются близкие по духу к данной мысли средства неформального, интегративного контроля, позволяющие использовать различные общественные ресурсы для противодействия преступности.

Особое внимание и динамичное обсуждение вызывает идея восстановительной юстиции (*restorative justice*), суть которой заключается в добровольном, с помощью незаинтересованного посредника или медиатора, примирении преступника и жертвы на условиях возмещения вреда [15, с. 122–156]. Сторонники данного подхода указывают, что при известной нам возмездной, карательной юстиции, жертва преступного деяния всегда остается как бы в стороне, поскольку основное внимание уделяется вопросу наказания виновного, но не помощи потерпевшему или попытке реституции, восстановлению нарушенного права, и возмещении понесенных потерь.

Конечно, концепция реституционного правосудия в настоящее время является весьма критикуемым направлением, поскольку при общей теоретической проработанности и очерченности, полноценное эмпирическое исследование вопроса далеко от того, чтобы считаться обстоятельным и убедительным. Некоторые зарубежные авторы отмечают, что пока восстановительная юстиция воспринимается скорее как идея, философия, набор ценностей, нежели единый конкретный и единообразный набор практик или процессов [16, с. 19].

Существуют и опасения, что реституционное правосудие приведет

к субъективным, необъективным и нерациональным оценкам причиненного преступным деянием ущерба, потребности в его возмещении и послужит причиной установления состояния большего неравенства как для потерпевшего, так и для преступника. Однако, по нашему мнению, при проработке вопроса реализации данного механизма всегда имеется возможность предусмотреть множество вариантов, включая возвращение дела на рассмотрение в судебные органы, если нарушитель не признает своей вины или если пострадавший остается не удовлетворён результатами переговоров, извинений или предложениями о восстановлении своего нарушенного положения.

В свою очередь интересным остается и вопрос «диапазона» составов преступлений, при совершении которых возможно использование инструментов восстановительной юстиции. Некоторые исследователи считают, что наиболее уместно использовать данный механизм в контексте мелких, межличностных противоправных деяний, таких как, мелкие кражи, нападения, преступления, связанные с наркотиками или алкоголем, семейным насилием или, в контексте уголовного права России, можно обозначить данный спектр областью категории противоправных деяний небольшой и средней тяжести.

Впрочем, применение реституционного правосудия возможно и при совершении тяжких и особо тяжких преступлений, в таком случае использование данного инструмента имеет скорее вспомогательный характер, являясь только дополнением к привычной уголовно-правовой юстиции, а не самостоятельным, независимым механизмом. Здесь, несмотря на принесение извинений преступником и возмещение ущерба, будет иметь место привлечение к уголовной ответственности с неизбежным вынесением официального судебного решения [17, с. 215].

Очевидно, в контексте данной темы многие вопросы остаются открытыми, например, положения о реализации и соотношении в процессе

правоприменения возмездной и восстановительной юстиции; может ли или должно ли реституционное правосудие полностью заменить государственные и официальные уголовные санкции или же оно должно быть полностью неофициальным и добровольным, а в некоторых случаях вспомогательным процессом? Обладает ли новый вид уголовной юстиции большей экономической и криминологической эффективностью, то есть является ли восстановительная юстиция менее дорогостоящей практикой и более сдерживающим (общая и частная превенция) механизмом, чем обычные методы уголовного правосудия? Остается надеяться, что проведение объемных качественных эмпирических исследований даст ответы на поставленные вопросы.

Говоря о России, сегодня идеи внедрения на практике восстановительной юстиции находятся только в зачаточном состоянии, на стадии обсуждения, активному их продвижению способствует специализированный общественный центр «Судебно-правовая реформа», уже сейчас занимающийся апробацией медиации при разрешении конфликтов в образовательной среде [18].

Современный мир переживает безудержное развитие, то, что еще 30-50 лет назад казалось привычным, неизменным и вечным, сейчас обнаруживает свои недостатки и нуждается, если не в полном устранении, то, во всяком случае, в обновлении.

Идеи аболиционистов критикуются не безосновательно, однако, как и любая теория, они имеют не только свое право на существование, но и при подробном изучении предлагаемого сторонниками осмысления уголовно-правовой политики, нетрудно обнаружить разумное зерно в их суждениях. Умеренное восприятие положений о необходимости сбавления оборотов разрастания пенитенциарного комплекса (конечно, объективно речь о полном его устранении идти не может), внедрение и активное продвижение идей восстановительной юстиции являет вполне допустимое начало для позитивных метаморфоз в уголовно-правовой сфере.

Новые законы совершенствования касаются в первую очередь не только научных взглядов, но и всех сфер жизни общества. Если когда-то считалось справедливым использование разного рода моделей возмездия и устрашения, не признавалось ошибочным применение смертной казни и публичных мучительных наказаний, то на данном этапе развития мы должны начать осознавать накопившиеся проблемы целесообразности изоляции большинства преступников от общества посредством системы исправительных учреждений, предпринять усилия по разрешению поставленных задач и, наконец, выйти из эпохи «Великого заточения».

Библиографический список

1. Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых // Официальный сайт ФСИН России. URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xarka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/> (дата обращения: 20.04.2019 г.).
2. Oxford English Dictionary // URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/abolition> (дата обращения: 17.04.2019 г.).
3. Hulsman L. *Critical Criminology and the Concept of Crime.* / eds. Herman Bianchi and Rene Swaaningen. // *Abolitionism: Toward a non-repressive approach to crime.* – Amsterdam: Free University Press, 1986. – 247 p.
4. Robinson M. *Why Crime? An integrated Systems Theory of Antisocial Behavior* // Upper Saddle River. – NJ, Prentice Hall, 2004. – 19 p.
5. Кристи Н. *Пределы наказания* / пер. с англ. В. М. Когана; под ред. А. М. Яковлева. – М.: Прогресс, 1985. – 176 с.
6. Кристи Н. *Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к Гулагу западного образца: 2-е изд.* / пер. с англ. А.Петрова, В.Пророковой; под ред. Ю. Чижова.– М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2001. –224 с.

7. Aebi M., Tiago M. Prison populations. // SPACE I Council of Europe Annual Penal Statistics. – Strasbourg, 2018. – 113 p. URL: http://wp.unil.ch/space/files/2019/04/FinalReportSPACEI2018_190402.pdf (дата обращения: 14.05.2019).
8. Информация о достигнутых результатах. // Официальный сайт ФСИН России. URL: <http://fsin.su/budget/info.php> (дата обращения: 14.05.2019 г.).
9. Peter P. Hinks, John R. McKivigan, R. Owen Williams. Encyclopedia of anti-slavery and abolition. // Greenwood Press, 2007. – 796 с.
10. Prison Population Rate. // ICPS, 2018. URL: http://www.prisonstudies.org/highest-to-lowest/prison_population_rate?field_region_taxonomy_tid=All (дата обращения: 22.04.2019 г.).
11. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. – М.: Ad Marginem, 1999. – 480 с.
12. Гишинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль: авт. курс: 4-е изд. – СПб: Алеф-Пресс, 2018. – 517 с.
13. Angela Y. Davis. Are prisons obsolete? – Seven Stories Press, 2003. – 127 p.
14. Bianchi H. Abolition: Assensus and Sanctuary. / eds. Herman Bianchi and Rene Swaaningen. // Abolitionism: Toward a non-repressive approach to crime. – Amsterdam: Free University Press, 1986. – 247 p.
15. Зер Х. Восстановительное правосудие: Новый взгляд на преступление и наказание: пер. с англ. / под ред. Л.М. Карнозовой. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. – 328 с.
16. Menkel-Meadow C. Restorative Justice: What is it and Does it Work? // Georgetown Public Law Research. Annual Review. 2007. URL: <https://ssrn.com/abstract=1005485> (дата обращения: 22.04.2019 г.).
17. Umbreit MS, Vos B, Coates RB, Brown K. Facing Violence: The Path of Restorative Justice and Dialogue. // Monsey, NY: Crim. Justice Press, 2003. – 389 p.
18. Общественный центр «Судебно-правовая реформа» // URL: <http://sprc.ru/> (дата обращения: 22.04.2019 г.).